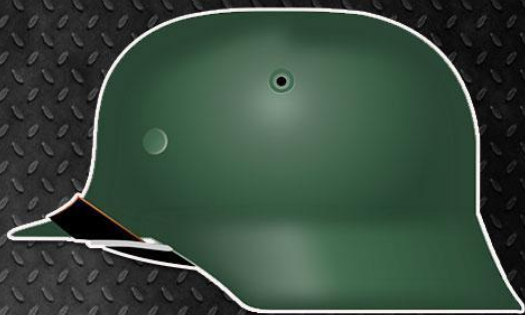

АЛЕКСАНДР УСОВСКИЙ

ЧЕСТНАЯ ИСТОРИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

ЧТО ПРОИЗОШЛО
22 ИЮНЯ 1941 ГОДА?

Александр Валерьевич Усовский

Что произошло 22 июня 1941 года?

**Серия «Честная история
Второй мировой», книга 1**

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48826827

ISBN 978-5-042-22979-4

Аннотация

А и в самом деле, что? Германия напала на Советский Союз – НО ЗАЧЕМ? РАДИ ЧЕГО? ВО ИМЯ ДОСТИЖЕНИЯ КАКИХ ЦЕЛЕЙ?

Есть много ответов на эти вопросы – но доселе ни один из них не ставил окончательную точку в теме причин Второй мировой. Всегда находились те, кого не удовлетворяли эти ответы – и автор этой книги в их числе. Однажды он, окончательно разуверившись в официальных версиях истории, решил изучить проблему самостоятельно, без ссылок на дутых авторитетов и притягивания за уши фальшивых доводов и тщательно подобранных фактов – и в один прекрасный момент понял, что же в реальности произошло 22 июня 1941 года. И написал эту книгу – которую ты, мой дорогой читатель, сейчас прочтёшь. Вполне может быть, что ты не

со согласишься с автором – но именно для этого и была написана эта книга. Не для того, чтобы в чём-то убедить – но для того, чтобы заставить думать...

Содержание

Вступление автора	6
Пролог	12
Глава первая	26
1	26
2	30
3	32
4	35
5	36
6	40
7	46
8	49
9	53
10	56
11	60
12	63
13	66
14	68
15	70
16	73
Глава вторая	76
1	76
2	78
3	81

4	84
5	89
6	91
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Александр Усовский

Что произошло 22 июня 1941 года?

Сомнение в достоверности общепринятых суждений – не есть прихоть извращенного ума; скорее, это искренняя попытка отыскать истину там, где она погребена под толщей искусной лжи.

Ищущий – да обрящет!

*Кто любит наставление, тот любит знание;
а кто ненавидит обличение, тот невежда.*

Книга Притчей Соломоновых, глава 12.

Вступление автора

О чем эта книга?

О мужестве и предательстве, о доблести и коварстве, о чести и подлости, о героях и изменниках, о маршалах и рядовых. О войне.

Той, что в истории человечества получила наименование Второй мировой. И частью которой была Великая Отечественная война советского народа против нацистской Германии.

Еще раз о войне? – возмутиться читатель. Да сколько

можно, в конце-то концов!? Кому интересна война, закончившаяся шестьдесят лет назад? Пройдет еще три-четыре, ну, может быть, десять лет – и из жизни уйдет последний участник тех событий. Зачем же ворошить старое? Может быть, еще затеем теоретический спор о причинах и исходе Крымской (а в идеале – Столетней) войны? Нужно жить сегодня, планировать завтра и предвидеть послезавтра – а не копаться в пожелтевших архивных бумагах и ощупывать ржавое мертвое железо танков и пушек той войны. Хватит «о подвигах, о доблести, о славе» – пора уж привыкнуть к тому, что в Европе шестьдесят лет царит мир! Была, правда, лет шесть назад одна заварушка на Балканах – ну так на то они и Балканы...

Тем более – вся правда о войне советскому (российскому, белорусскому, украинскому, далее – по списку) народу уже сказана. Вернее, две правды.

Есть версия советского агитпропа – ее создавали тысячи ученых-историков, мемуаристов, писателей-беллетристов, кинорежиссеров и талантливых (и не очень) актеров.

Суть этой концепции:

Германия рвалась к гегемонии в Европе (а в будущем – и в мире), капиталистические государства сдавали Гитлеру страну за страной, и только СССР был постоянным принципиальным противником фашизма. И за это немцы ворвались в наш мирный спящий дом на рассвете 22 июня. Их целью было уничтожить первое в мире пролетарское государ-

ство, низвергнуть Советскую власть. Мы пали жертвой внезапного нападения, наша армия была не готова к отражению агрессии коварного врага, поэтому немцы дошли сначала до Москвы, а потом и до Волги. И лишь ценой сверхчеловеческого напряжения всего советского народа мы смогли выстоять и победить.

Концепция, может быть, излишне идеологизированная, но все же сравнительно стройная и логичная – если считать, что эмоции тоже могут являться частью материальных причин для военного конфликта.

Все достаточно просто. Немецким фашистам (о том, что в Германии у власти стояла хоть и национал-, но все же социалистическая партия, как-то робко замалчивалось) просто очень хотелось на нас напасть и уничтожить нашу родную коммунистическую власть, чтобы потом обратить нас всех в рабов и разделить страну на поместья для немецких бауэров. Германия демонизировалась по всем правилам военной пропаганды, немцы были монстрами, целью жизни которых было уничтожение «первого в мире пролетарского государства».

Благодаря такому подходу, вся история Второй мировой войны низводилась до четырехлетнего кровопролитья на Восточно-европейской равнине, происходившего, если верить советским историкам, исключительно из-за звериной ненависти фашистов к советской стране. Гигантские (по размаху, а не по количеству задействованных «штыков») сраже-

ния на Тихом океане, операции наших союзников в Юго-Восточной Азии и Северной Африке мы «проходили» как факультативный материал. «Второстепенные театры», что о них еще можно сказать! Под Сталинградом сражались миллионные армии, а у Монтгомери и Роммеля, вместе взятых, было едва два десятка дивизий. Разве это сражение! Не говоря уже о Мидуэе, где сражалось-то всего десяток пароходов и тысяч пятнадцать матросов. Вот когда кровь реками, когда трупы горами – вот это война!

Такой подход к истории Второй мировой рано или поздно, но должен был вызвать реакцию отторжения – у людей от истории далеких, и реакцию скептического недоверия – у тех, кто мало-мальски этот предмет знал. Ведь получается – во всех книжках мы пишем, что у нас была лучшая, чем у немцев, техника, наши солдаты проявляли массовый героизм, беззаветную преданность и любовь к Родине – а все равно отступили до Волги! Ну, хорошо, «внезапное нападение» могло врасплох застать войска у границы – но ведь все остальные наши армии были в двухстах, пятистах, тысяче километров от линии фронта! Уж они-то должны были встретить наступающих немцев в штыки!

И из естественного недоверия к советской пропаганде родилась вторая доктрина, объясняющая, почему Гитлер напал на СССР.

Резун – Мастер. Мастер с большой буквы, и я не устану этого повторять. Как он великолепно провел эту замечатель-

ную дезинформационную операцию! Его книги расходились (и доселе расходятся!) миллионными тиражами, его версии 22 июня озвучиваются с университетских кафедр и чуть ли не с церковных амвонов. Этот человек – гений! Но только гений лжи.

Его концепция работает на подсознание читателя. Разве приятно думать, что мы были такими растяпами! У нас враг у ворот, диверсанты тучами роятся, провода режут, немецкие танки гусеница к гусенице вдоль всей границы выстраиваются – а мы спим в шапку! Пакты с фашистами подписываем! Пшеницу им гоним и железорудный концентрат!

И совсем другое дело – под видом пакта мы немцам глаза замыливаем, а сами безжалостный планируем удар в самое сердце Германии. Вот это – круто! Сталин – величайший политик всех времен и народов! Правда, Гитлер его упредил немного, и война пошла как-то чуток не так, но ведь планировалось все хорошо!

Если первая, «советская», концепция изображала немцев исчадьями ада, возжелавшими русской крови, а Гитлера низводила до примитивного маньяка-убийцы, Сталина же изображала доверчивым добряком, то концепция Резуна уже тем хороша, что отрешилась от советских, излишне эмоциональных, оценок начала войны. И дала более-менее внятное (по-своему, конечно) объяснение всем тем несуразностям и нелепостям, что творились в первые дни Великой Отечественной.

Сталин у Резуна – великий мыслитель и стратег, готовящий «советизацию» Европы. Гитлер – тоже, в общем-то, не клинический идиот (каким он был в большинстве советских фильмов о войне), а вполне здравомыслящий политик. Сталин готовил вторжение в Европу, Гитлер его упредил – но удар нанес не смертельный, что и позволило Сталину урвать у него пол-Европы. Концепция, в общем-то, великолепная.

Так вот, уважаемый читатель. В настоящей книге ты узнаешь о существовании *третьей* концепции причин, хода и последствий Великой Отечественной войны. В которой не будет места ни коммунистической пропаганде, ни антисоветской истерии. Мы постараемся следовать логике истории, внимать сухому языку цифр и уважать педантичность реальных фактов. Может быть, выводы, сделанные в этой книге, и будут для многих неожиданными, но автор постарался быть искренним и добросовестным – а о результатах его работы пусть поведает эта книга.

Это отнюдь не историческое исследование. Здесь не будет подробного описания действий 5-й танковой армии в сражении под Прохоровкой или рассказов о боевом пути 8-й гвардейской армии. Все эти фактические подробности давно и тщательно описаны советскими историками и мемуаристами, и отбирать у них хлеб в цели автора не входило.

Эта книга – просто попытка беспристрастного анализа событий тех лет, «взгляд со стороны», и насколько это удалось автору – судить читателям.

Пролог

*Будешь служить врагу твоему, которого
пошлет на тебя Господь,
в голоде, и жажде, и нагоде, и во всяком
недостатке; он возложит
на шею твою железное ярмо, что так измучит
тебя.
Второзаконие, глава 28, ст. 48*

Старый мир был разрушен.

Первая мировая война похоронила сословные монархии Габсбургов, Романовых и Гогенцоллернов (а заодно с ними – и королевские дома всей остальной Германии), вместо них явив миру конгломерат новых государств, с ранее неведомыми названиями и невообразимой мешаниной идеологий. Казалось, что та война (тогда она называлась просто «Мировой») сотрясла европейский континент именно с целью уничтожения последних дворянских империй, чтобы расчистить место для нового, доселе неведомого мира. «Который будет лучше довоенного»?

Этот новый, вылупившийся на свет в кровавую осень восемнадцатого года, мир отнюдь не стал лучше довоенного. Уровень жизни к 1920 году во всех трех потерпевших поражение империях (а то, что Россия потерпела поражение в Первой мировой – ни для кого не секрет) упал до критиче-

ского минимума, к тому же в России это падение усугубилось трехлетним ожесточением гражданской войны.

Коммунистам, пришедшим к власти в этой стране, казалось недостаточным просто отрешить от власти дворянство и буржуазию – большевистская идеология (и логика насильственного захвата власти) требовала физического уничтожения представителей «правящего класса». И русские с неистовым ожесточением три года занимались самоистреблением своей нации, доведя страну до состояния перманентной дикости и варварства. Людоедство во время Поволжского голода 1921 года – естественный результат небывалого внутреннего кризиса, когда жизни миллионов были брошены в жертву созданию доселе невиданного «пролетарского государства». Путем кровопролитной гражданской войны, таким образом, застраховавшего себя от возможной реставрации и потенциальных периферийных мятежей на далеких окраинах. И истребив всех, кто мог бы в будущем стать закваской политического недовольства, большевики смогли начать свой социальный эксперимент в политически стерильно чистой стране.

Ни в Германии, ни в Австрии новые властители не могли себе позволить физическое истребление человеческой составляющей бывших сословных империй – к власти в этих государствах пришли гораздо менее экстремистки настроенные политические силы. Правда, в Баварии, Венгрии, Словакии в 1918 году были попытки установления власти мар-

гинального крыла социалистического движения, но эти попытки были в достаточной степени быстро ликвидированы националистически настроенными силами.

Германия проиграла войну. Империя рухнула, по сути, в 1918 году исчезла целая цивилизация – но не исчезли люди, которые помнили о былом величии Рейха.

Некоторые из них продолжали воевать и тогда, когда Германия согласилась со своим поражением.

Фрайкоры из бывших солдат, унтер-офицеров и офицеров кайзеровской армии вели безнадежную, и оттого немислимо ожесточенную войну на окраинных забытых фронтах. С большевиками и латышами в Курляндии сражалась «Железная дивизия» фон дер Гольца (в августе 1919 года преданная «веймарцами» и обманутая латышами, которым она фактически подарила независимость), с поляками в Верхней Силезии (события мая 1921 года) – «Оберланд» Йозефа Ремера, «Стальной шлем» – с «Красной армией Рура» (после капповского путча марта 1921).

Остальным просто не хватило фронтов.

И большинство солдат, вернувшихся с фронтов «непобежденными» (во всяком случае, так они считали), начали объединяться в свои союзы – просто потому, что за четыре года войны привыкли к солдатскому братству, единству во имя достижения общей цели – и не могли найти себя в послевоенной Веймарской республике. «Стальной шлем», «Боевой союз» в Мюнхене, фрайкор «Оберланд» доктора Вебера,

«Рейхскригсфлагге» капитана Эрнста Рема, «Викинги» капитана третьего ранга Эрхарда (того самого, что повел морскую пехоту на Берлин во время капповского путча), десятки других объединений бывших солдат – были идеальной почвой для возникновения идей реванша.

Версальский мир – бесчестье и позор Германии – был еще более сильным раздражителем для «двухсот тысяч безработных капитанов и лейтенантов», чем послевоенное еврейское доминирование в экономике и политике Германии. Низвести великий народ до роли уличного попрошайки! Отнять не только имущество, оружие, золото и боевые корабли, но растоптать честь и достоинство немецкого солдата – это было слишком. И посему версальская система не могла просуществовать долго – невыносимое унижение Германии неизбежно порождало ответную реакцию. Реакцию абсолютного отрицания навязанных стране чужих ценностей и выработке, им в противовес, ценностей национальных, странной смеси консерватизма и социализма, приправленной густым антисемитизмом.

А разве другая реакция была бы возможна?

Физическое истребление всех носителей имперского духа (как в России) – было единственным способом избежать прихода к власти в Германии НСДАП. Перебить всех офицеров кайзеровской армии, всех университетских профессоров, всех сельских учителей, да что там – всех тех, кто умеет

читать и родился до 1890 года! – тогда, может быть, нацисты и не пришли бы к власти. А ничего другого, чтобы сохранить послевоенную систему, сделать после Версаля было нельзя!

Коммунисты в России поступили именно так. Они вытравили из народного сознания все позитивное, что было в Российской империи, закрасили глубоким черным цветом всю тысячелетнюю историю страны, низведя ее до непрерывной классовой борьбы от времен Гостомысла и до победоносного ее завершения в октябре семнадцатого. Героями страны были объявлены насильники и убийцы (Разин, Пугачев, Болотников и их подельники), террористы («герои Народной воли»), предатели и клятвопреступники (Герцен, «декабристы» и прочие иуды). Мало того, вся человеческая история стала рассматриваться как непрерывный путь человечества к созданию «пролетарского государства», высшего и самого разумного способа человеческого общежития.

Немцы не стали заниматься самоистреблением.

Немцы занялись самоорганизацией.

Когда весь мир считает тебя исчадьем ада, «гунном», тупым солдафоном и жалким невеждой – кем себя будешь считать ты?

Когда весь мир будет ежечасно залазить в твой карман в поисках чего-нибудь, не вытщенного ранее – как к этому будешь относиться ты?

Когда тебя лишают возможности быть хозяином в собственной стране, когда в экономике и политике «Веймарско-

го ублюдка», возникшего на месте твоей Германии, правят бал инородцы, вдруг объявившие тебя гостем в собственном доме – что будешь делать ты?

Германские коммунисты предлагали сделать, «как в России». Социалисты – «как во Франции». И только нацисты – «как в Германии».

Гитлер отнюдь не был создателем идеологии национал-социализма. Ее и не нужно было создавать – она возникла в тысячах умов по всей Германии, как ответная реакция на франко-бельгийскую оккупацию Саара и Рура, на вопиющее, вызывающее богатство, нажитое еврейской буржуазией и выставленное сегодня напоказ, на грабительские условия Версальского мира.

Не был Гитлер и идеологом расового превосходства германского народа – на то были Фихте («германский народ избран Провидением, дабы занять высшее место в истории Вселенной»), Гегель («немцы ведут остальной мир к славным вершинам принудительной культуры»), Ницше («сверхчеловек стоит выше обычного контроля») и прочие Большие Умы. Да и «Общество Туле» возникло не в Веймарской Германии, а было создано еще при кайзере...

Кроме национал-социализма, в Германии в начале двадцатых годов был еще и национал-большевизм, была коммунистическая доктрина (достаточно влиятельная, надо отметить). Идей хватало! Не хватало только хлеба и работы...

Исторический факт – именно национал-социализм попал

в резонанс общему настроению самой пассионарной части немецкого народа – отчаявшихся и готовых на все ветеранов, молодежь, воспитанную в русле «великогерманской идеи», мелких лавочников, ущемленных экономически более могущественным еврейским капиталом, промышленных рабочих, за свой квалифицированный труд получавших гроши.

В принципе, если говорить умными словами, национал-социализм, как общественно-политическое течение, появился вследствие тяжелого кризиса традиционного для большинства немецкого народа консервативного типа сознания, вызванного крахом кайзеровской империи и структурными реформами всей общественно-экономической жизни Германии, отразившимися на судьбе как народа, так и немецкой элиты.

Большая часть этой элиты (экономическая) предала, в глазах населения, Германию, эволюционировала в сторону навязанного Антантой немцам либерализма. Отказалась от второстепенного в своем положении (в нашем случае – от «национального духа» и присущих ему поведенческих мотиваций) во имя сохранения главного – устойчивого получения барышей и незыблемости прав собственности. Для этой группы элиты либеральные ценности (уж какие они были) пришли на смену ценностям эпохи кайзера Вильгельма. Национальная принадлежность этой части элиты опять же предоставляла широкое поле для антисемитизма – большинство ее деятелей были *ненемецкой* национальности.

Другая же группа (в основном из интеллектуальной элиты, иначе говоря, босяки с университетскими дипломами), наоборот, резко ушла вправо. Как сегодня принято говорить, к правому радикализму, а, вернее, к тоталитарной идеологии с ярко-выраженной националистической окраской.

Не имея поддержки экономической элиты, устойчиво принявшей условия пост-версальского мира, эта «интеллектуальная элита» без гроша за душой начала резко менять социальную базу, стремясь опереться на как можно более широкий спектр сил, «на народ», как сказали бы большевики. Для этого они перехватывают у левых их популярные и броские лозунги.

В 1918–1919 годах в Германии происходит именно такой процесс, возникают первые группировки и организации, постепенно вырабатывавшие платформу "консервативной революции". Главным в идеях "консервативных революционеров" и порожденным ими «национально-революционного движения» была задача перечеркнуть позор Версальского договора и навязанного Германии «демократического» режима Веймарской республики, восстановить могущество и военный потенциал страны. Вместо неспособного к выполнению этой задачи "слабосильного" государственного аппарата Веймарской республики во главе страны должна была стать сильная военно-политическая элита. Чрезвычайно важной была также идея цезаризма и фюрерства. Свою ненависть к «Веймарскому позору» адепты нового течения рас-

пространяли на всю цивилизацию Запада.

Для теоретиков «раннего» национал-социализма были весьма характерны этатизм (форма общественного устройства, при которой государству принадлежат важнейшие функции) и вытекающий из него высокий уровень государственного патернализма. "Национал-революционеры" выступали за социализацию средств производства и за принцип "народной общности" в экономике.

Если отрешиться от идеологических догм, то можно сделать один очень простой вывод: «пивной» путч нацистов 1923 года в Мюнхене – **первая попытка реставрации немецкой власти на немецкой земле, предпринятая новой политической силой, опирающейся на новую идеологию.**

Применительно к Баварии ноября 1923 года – это был, по своей сути, срыв монархического заговора, во главе которого стояли тогдашние правители этой земли (премьер фон Кар, главнокомандующий фон Лоссов и начальник полиции Зейссер).

Монархические традиции были сильны в крестьянской, в своем подавляющем большинстве, Баварии, и кандидатура фельдмаршала принца Рупрехта всерьез рассматривалась тамошним истеблишментом на «должность» короля. Ведь Виттельсбахи уступили власть республике всего пять лет назад, и эта республика, объявленная Эйсером 8 ноября 1918 года, у большинства народа доверием не пользовалась.

Но монархический переворот – означал отделение Баварии от Германии, возвращение к добисмарковским временам. Гитлер со своими национал-социалистами «перешел дорогу» монархистам, сорвал сепаратистский заговор и предпринял попытку самостоятельного захвата власти. Она провалилась (да и не могла не провалиться) – но резонанс от нее прошел по всей стране.

Отныне немецкий народ получил идею, которая через десять лет станет государственной идеологией.

Кроме того, существовала еще одна немаловажная деталь, способствующая развитию идей национал-социализма среди населения Германии.

Концепция германского «национального социального государства» получала могучую информационную подпитку из Советской России. В то время, когда Западная Европа все никак не могла выбраться из идеологических тенет Первой мировой, Россия, проигравшая свою войну, постаралась об этом как можно быстрее забыть. Вместо пессимистического восприятия мира (что, в общем-то, нормально для проигравшей войну нации) советскому народу было предложено участие в великом социальном эксперименте. Целью этого эксперимента было сделать страну самой образованной (при 90-% неграмотности), самой промышленно развитой (при всеобщей разрухе начала двадцатых), самой боеготовой (при оснащенности РККА боевой техникой на уровне едва ли не начала века). И успехи СССР на этом пути (пусть за-

частую значительно приукрашенные, но все же успехи) давали повод немецким национал-социалистам утверждать о безусловном успехе предлагаемого ими «национального социального государства».

«Исключение из народного хозяйства спекулятивного банковского капитала», «национальное производство в национальных интересах» – эти лозунги были одинаково доступны и воспринимаемы и мелкими лавочниками, и промышленными рабочими. Ну а уж «превосходство арийской расы» над всеми прочими вообще проходило вне конкуренции под бурные, продолжительные аплодисменты. Приятно, черт возьми, почувствовать себя частью «расы господ»!

Частичная стабилизация мировой экономической системы в 1925–1929 годах, правда, отодвинула нацистов во главе с Гитлером на обочину немецкого политического процесса. Казалось, жизнь налаживается, и надобности в экстремистских политиканах более не возникнет. Перед Рождеством 1924 года Гитлера выпускают из тюрьмы как уже безвредного «бывшего» экстремиста (на выборах правые потеряли более половины своих мест в рейхстаге), и ему даже официально разрешают функционирование нацистской партии. Для баварского (не говоря уж об общегерманском) правительства эта партия, как им казалась, уже не опасна – от былой пламенной пассионарности народа начала двадцатых мало что осталось.

Есть мнение, что, если бы не всемирный кризис, начав-

шийся в 1929 году в США, то никакого нацизма в Германии не было бы.

Может быть. На выборах 1928 года в рейхстаг прошло всего 12 депутатов-нацистов! Но это – на поверхности...

Немцы не стали жить лучше. Бедные оставались бедными, богатые – богатыми. И пропасть меж ними только росла. А главное – правительство не могло предложить НИЧЕГО, что исправило бы вопиющее неравенство в стране. И работа братьев Штрассеров приносила свои плоды – к нацистам приходило все больше и больше обездоленных, утративших надежду, способных на все людей – в Пруссии, Ганновере, даже в «красной» Саксонии и пролетарском Гамбурге.

Конечно, если бы не мировой кризис, то неизвестно, во что бы вылилась политическая ситуация в Германии.

Но 29 октября 1929 года произошел крах нью-йоркской фондовой биржи, западный мир содрогнулся в корчах невыносимой доселе экономической катастрофы – и закономерным результатом его в Германии стал приход к власти в стране национал-социалистической немецкой рабочей партии, знавшей (или говорившей, что знает) способ выход из экономического коллапса. И чем труднее становится экономическое положение Германии, тем выше росли политические акции НСДАП.

Выборы сентября 1930 года – 18 % избирателей проголосовало за нацистов.

Выборы июня 1932 года – уже 37 % избирателей проголо-

совало за нацистов.

К этому времени окончательно **рушится экономическая система** Веймарской республики – падение производства достигло 40 %, загрузка производственных мощностей составляла в машиностроении – 27 %, в автомобилестроении – 25 %, в строительстве – 20 %, а всего германская промышленность в это время работала на треть своей мощности. 44 % наемных рабочих оказались полностью безработными, 23 % работали неполную рабочую неделю. Нищета и безысходное отчаянье вновь охватили Германию.

Веймарская политическая система рухнула вслед за экономической. Рычаги управления Германией нужно было передавать иным, новым политическим силам – которые найдут выход из сложившегося тупика.

К концу 1932 года в НСДАП – один миллион членов. Крупнейшая партия в стране! Неудивительно, что именно ей растерявшееся от экономических неурядиц руководство Германии приняло решение поручить формирование правительства.

Нацисты пришли к власти в Германии законным путем!

Это – исторический факт.

Немецкий народ вручил ключи от своей судьбы национал-социалистической партии Германии. И отныне цели НСДАП и цели германской нации стали равноценными величинами (хотя, наверное, далеко не все в Германии были в

восторге от такой перспективы).

Если большевики в России узурпировали власть, разогнав Учредительное собрание (кое и должно было определить будущее страны) – то нацисты в Германии получили власть в результате народного волеизлияния, в результате тотального экономического и политического краха системы, по существу навязанной немцам извне. Это – очень важный момент для всего будущего Европы и мира.

Завершим наш пролог.

30 января 1933 года лидер победившей на общегерманских выборах в рейхстаг национал-социалистической немецкой рабочей партии Адольф Гитлер едет из берлинской гостиницы «Адлон» к рейхспрезиденту Гинденбургу, чтобы получить из его рук назначение на пост канцлера Германии.

Едет для того, чтобы на практике, в масштабах немецкого государства и всего европейского континента, начать
MEIN KAMPF.

Едет для того, чтобы осуществить национал-социалистическое переустройство Германии.

Едет для того, чтобы разрушить Версальскую систему

и возвести сияющее здание «новой Европы».

Едет – и ещё не знает, что для того, чтобы ему этого не позволить, будет убито
ПЯТЬДЕСЯТ МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК...

Глава первая

1

Так, между прочим, для информации: более 50 % всех врачей и адвокатов Берлина в 1929 году были евреями. Министры Веймарской республики Ратенау и Варбург, вожди Баварской Советской республики (все четверо, Ниссен, Толлер, Эйснер и Ландауэр) – были евреями.

Автор – не антисемит, как его постараются представить критики этой книги, у автора у самого в роду всякого народу в избытке. Автор просто пытается донести до читателя одну очень простую мысль: социально-политический кризис начала двадцатых, гиперинфляция, обесценившая вклады **всего немецкого населения**, всеобщая нищета, повальная безработица, падение нравов – все это в умах немецкого народа прочнейшими узами связывалось со сменой общественно-политической формации, главным двигателем которой были евреи.

Веймарская Германия не могла (не хотела?) эффективно контролировать внутренний рынок от наплыва иностранных товаров – как следствие этого, безработица среди немецких промышленных рабочих достигла ужасающих величин. Безработица и нищета – близнецы-братья. Кого немецкий рабо-

чий должен был «благодарить» за то, что он не в силах прокормить свою семью, что старшая дочь идет на панель, жена постоянно болеет, а младшие дети смотрят на него голодными глазами?

Правительство не могло (не хотело?) бороться с мощнейшим лоббированием космополитических устремлений внутреннего коммерческого капитала – иными словами, не препятствовало вывозу капитала, обескровливанию финансовой системы страны. Нелишне напомнить, что банковский сектор Германии в это время наполовину контролировался евреями. Кого должен был «благодарить» мелкий торговец за невозможность получить кредит на развитие своего дела, за жалкое прозябание на грани нищеты, видя каждую субботу успешных конкурентов у дверей синагоги?

Германия, перед Мировой войной бывшая самой сильной и самой динамичной промышленной державой Европы, бросившая вызов промышленному могуществу США – в двадцатые годы фактически превращалась в колонию развитых держав. Нестабильная и слабая Германия не могла (или не хотела?) защитить кровные интересы немецкого промышленного капитала, промышленного производства – и немецкие промышленники вынуждены были сворачивать производство, снижать расценки, «затягивать пояса», в то время как спекулятивные торговые компании, принадлежащие известно кому, только наращивали обороты. Кого в этой ситуации должен был «благодарить» владелец завода или фабрики

ки?

Еврей, нажившийся на голоде и нищете немца, во время инфляции (созданной опять же евреями) скупивший за бесценок немецкое недвижимое имущество, завладевший магазинами, заводами, фабриками, жилыми домами – этот образ устойчиво культивировался (весьма небезуспешно) национал-социалистической пропагандой. Если бы это был просто пропагандистский фетиш – он не нашел бы такого резонанса в душах большинства граждан Германии.

А антиеврейские тезисы национал-социалистов находили живейший отклик в умах немцев! Дыма без огня, как известно, не бывает...

Безусловно, автор, скорее всего, будет обвинен определенными кругами в кондовом антисемитизме и разжигании межэтнической розни. Для справки – автор не ставил целью написания этой книги способствование росту ксенофобии и антисемитизма в России; целью его трудов является объективное рассмотрение истории Второй мировой войны, изучение подлинных причин этой всемирной человеческой трагедии. И автору было бы неприятно слышать обвинения в разного рода антиеврейских злодеяниях – вместо объективной критики той концепции, что увидит свет со страниц этой книги.

Евреи ввергли Германию в нищету? Это, конечно, перебор. В нищету Германию ввергли колоссальные военные расходы и безжалостные условия Версальского мира. Но никто

не станет отрицать, что в условиях нестабильности, краха прежних идеалов, финансовых неурядиц евреи чувствовали себя, как рыба в воде, за считанные годы сколотив колоссальные состояния. А инфляция? Понятно, что маховик этого разрушительного процесса был запущен с одной простой целью – безболезненно (для государственных финансов) расчитаться по внутренним долгам.

Первая мировая война обошлась бюджету Германии (благодаря чудовищной инфляции 1923 года) чуть ли не в ОДНУ НОВУЮ МАРКУ 1924 ГОДА!

Но зато этот процесс уничтожил все накопления немецкого народа, всего за полтора-два года вогнав все население Германии в устойчивую нищету. Точнее, **немецкое население Германии**. Что такое инфляция – немцы никогда в жизни не знали, доверие к марке было абсолютным. А евреи хорошо знали, что любые бумажные деньги – не более чем красиво разрисованная бумага, тысячелетний опыт ростовщичества приучил их верить только в реальные ценности. И в условиях инфляции евреи отлично держали нос по ветру, обращая боль и горечь немцев в звонкую монету.

И после всего этого вы хотите, чтобы немцы дружески относились к евреям? Если так – то вы, дорогой читатель, большой идеалист и неисправимый человеколюб.

2

Адольф Гитлер – самый принципиальный политик XX века. Главными принципами его политической программы было «очищение» Германии от евреев, денонсация Версальского договора и установление гегемонии Германии в Европе. Первый пункт – «очищение» – совершить почти удалось, второй – удалось безусловно, третий – нет, по независящим от фюрера причинам. Непонятно, за что Гитлера объявили чудовищем и кровавым маньяком. Человек просто с должным уважением относился к своему слову: сказал – сделал! Он пообещал немецкому народу, что избавит его от евреев – так и произошло. Он пообещал избавить Германию от пут Версаля – извольте! Он пообещал, что немецкий народ будет «расой господ» – этого не произошло, но он же старался!

Партия Гитлера получила большинство мест в парламенте Германии по воле немецкого народа. Немецкий народ одобрил действия национал-социалистической партии в «еврейском вопросе». Почему национал-социалистическая партия была запрещена после войны? Ведь ее поддерживало устойчивое большинство населения Германии?

И вообще – за что судили в Нюрнберге главных нацистов? Непонятно. Люди честно выполняли свою политическую программу, озвученную в предвыборных лозунгах и хорошо известную немецкому народу. Именно немецкий на-

род вручил нацистам бразды правления страной, таким образом, одоблив их политический курс – следовательно, в Нюрнберге надо было судить **ВЕСЬ НЕМЕЦКИЙ НАРОД!** И выслать его куда-нибудь в Магадан – лет эдак на десять. Всех – с детьми, больными старухами, беременными (от союзных солдат) молодками, с угрюмыми стариками и инвалидами на колясках.

Другое дело – если бы национал-социалистическая немецкая рабочая партия в своих предвыборных обещаниях клялась бы любить, холить и лелеять еврейское нацменьшинство, а, придя к власти – тут же принялась бы возводить Дахау. Тогда, безусловно, нацистов следовало бы строго судить и беспощадно карать – за обман народа и нарушение своих предвыборных обещаний. А так – к чему этот Нюрнбергский фарс?

3

И кстати – нацисты вовсе не стремились к поголовному уничтожению еврейского народа. Практически, до самого начала Второй мировой войны главной целью германского правительства была **эмиграция** евреев.

Факты? Да сколько угодно!

Деятельность сионистов в Германии 1933-38 гг. по организации еврейской эмиграции в Палестину встречала самую широкую поддержку национал-социалистов. Берлинский раввин Иоахим Принд в книге "Мы, евреи", опубликованной в столице Рейха в 1934 г., совершенно открыто радовался национал-социалистической революции, "благодаря которой покончено с ассимиляцией, и евреи снова станут евреями". И ничего – впоследствии он же раввин перебрался в США и даже стал главой Американского еврейского конгресса – причем эту его книжонку никто из соотечественников в упрек ему не ставил.

С 1935 года значительно увеличился тираж журнала "Юдише рундшау". "Сионистская деятельность достигла в Германии невиданного размаха", – удовлетворенно отмечала американская "Еврейская энциклопедия". Что означает эвфемизм «сионистская деятельность»? Означает деятельность по организации еврейской эмиграции в Палестину.

С особым энтузиазмом и пониманием к нуждам "новых

израэлитов" относились в СС. Казалось бы, насквозь антисемитская организация – а поди ж ты, ежедневно заботилась "о необходимости повышения еврейского национального самосознания, увеличения еврейских школ, еврейских спортивных и культурных организаций". (Ф.Никосия. "Третий рейх и палестинский вопрос". Издание Техасского университета, 1985 г.)

В интервью, данном уже после войны, бывший глава сионистской федерации Германии Ганс Фриденталь говорил: "Гестапо делало в те дни все, чтобы помочь эмиграции, особенно в Палестину. Мы часто получали от них разнообразную помощь..." (Ф.Никосия. "Третий рейх и палестинский вопрос").

Когда в 1935 г. конгресс национал-социалистической партии и рейхстаг приняли и одобрили нюрнбергские расовые законы, то и "Юдише рундшау" поспешила одобрить их: "Интересы Германии совпадают с целями Всемирного сионистского конгресса... Новые законы предоставляют еврейскому меньшинству свою культурную и национальную жизнь... Германия дает нам счастливую возможность быть самими собой и предлагает государственную защиту для отдельной жизни еврейского меньшинства".

В сотрудничестве с нацистскими властями сионистские организации создали по всей стране сеть примерно из 40 лагерей и сельскохозяйственных центров, в которых обучались те, кто намеревался переселиться на "землю обетованную".

Над всеми этими центрами и лагерями гордо развевались бело-голубые флаги со звездой Давида.

Как правильно утверждает современный британский историк Дэвид Ирвинг: *"Гитлер хотел вынудить евреев уйти из Европы. Именно в этом он и усматривал "окончательное решение еврейского вопроса".*

Гитлер стремился к войне? Помилуйте! Гитлер **готовился** к войне – это верно; как, кстати, и **все его соседи**. Но *готовиться* и *стремиться* – два очень различающихся между собой по смыслу глагола! На самом деле Гитлер стремился всего лишь к гегемонии Германии в Европе и восстановлению предвоенного статус-кво (Рейх в границах 1913 года). И, как мог, пытался решить этот вопрос мирными средствами. Пусть отрубят мне правую руку, если это было не так.

Все европейские политики хорошо знали цели Национал-социалистической немецкой рабочей партии – оные фюрер германского народа подробно озвучил в своем труде «Моя борьба». Гитлер не врал, не изворачивался, не напускал дым и не замыливал своим противникам глаза – он откровенно и честно заявил, что Германия (в силу этнических особенностей немецкого народа, отнесенного им к арийской «расе господ»), имеет неоспоримое право на главенство в Европе. И задача его, фюрера – это главенство обеспечить. Для чего он и идет на некоторое нарушение международных законов и требует пересмотреть большинство статей Версальского договора.

Надо отметить, что как внутренняя, так и внешняя политика Германии удивительно последовательны и органичны. Чего не скажешь о политике других европейских держав.

Ну вот, например, все тот же зловещий «еврейский вопрос».

Все действия администрации нацистов были совершенно предсказуемы – читайте «Майн кампф»!

С апреля по октябрь 1933 года были приняты антиеврейские экономические законы – народ требовал отнять у евреев незаконно нажитое ими добро и исключить их из политической и общественной жизни страны. Хотите – пожалуйста! Экономически евреев начали вытеснять из германского народного хозяйства, выбрасывать их из политики, общественных организаций, редакций газет – как того и требовал немецкий народ.

Потом – перерыв. Надо было обеспечить политическую устойчивость нового режима, преодолеть трения между СА и армией (в гитлеровском стиле, путем проведения «ночи длинных ножей»), объединить посты рейхсканцлера и рейхспрезидента (Гинденбург-то умер!).

Но как только нацистский режим вышел из ясельного периода – побеждена была шестимиллионная безработица, возвращен Саар (90.8 % саарских немцев проголосовало за

вхождение в состав рейха), введена всеобщая воинская обязанность – так снова взялся за евреев. И на этот раз всерьез.

В лучших традициях, антиеврейская волна началась на местах. Гитлерюгенд Баварии начал самостоятельные еврейские погромы, там же прошли аресты евреев, обвиненных в интимных связях с арийскими женщинами («осквернение расы», вы представляете?! Как будто до этого это самое осквернение не происходило лет пятьсот в хорошем темпе...). И завершились народные антиеврейские выступления погромом на Курфюрстендам 15 июня 1935 года.

Центральное правительство не могло оставаться безучастным к волне «народного гнева», И за два (!) дня были подготовлены три закона. Первый просто менял государственный флаг – на нацистский, алый со свастикой, второй и третий были чисто антиеврейскими законами.

«Закон о гражданстве Рейха» гласил, просто и ясно: пункт 2.1 – «гражданином Рейха является лишь подданный государства немецкой или близкой ей крови, доказавший своим поведением, что он готов и достоин верно служить немецкому народу и Рейху». Пункт 2.3 – «Только гражданин Рейха обладает всеми политическими правами, в соответствии с законом». Кстати, очень похоже на современные латвийские законы о гражданстве, вы не находите?

«Закон о защите немецкой крови и немецкой чести» просто запрещал любые браки между евреями и немцами, запрещал интимные отношения, запрещал наем евреями немец-

кой прислуги, и даже «поднимать флаги Рейха и земель и пользоваться цветами государственного флага». Просто и ясно. Очень по-немецки.

Отныне евреи были не «гражданами», а только «подданными». Расовый принцип, дотоле все же в большей степени идеологический, отныне становился государственным, юридически вводился в немецкое законодательство. Все антиеврейские акции получали законные юридические основания.

В Майнце прошли народные волнения с требованиями вернуть евреям политические права? Гамбург взбунтовался оттого, что евреям отныне нельзя из своего окна вывешивать флаг со свастикой? Мятежи в Баден-Вюртемберге из-за желаний немцев жениться на еврейках всколыхнули рейх? **ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ ПОДОБНОЕ БЫЛО?**

О чем это говорит? Только о том, что действия национал-социалистической администрации Германии были полностью согласованы с умонастроениями большинства населения страны и шли в русле его чаяний и желаний. Немцы в принципе не хотели видеть евреев в своей стране – и этот печальный факт лишь подтверждает, что никакой вины национал-социалистической немецкой рабочей партии в угнетении еврейского нацменьшинства **НЕТ**. А есть, в достаточной степени обоснованное, стремление немецкого народа избавиться от этого нацменьшинства, каковое пришедшая к власти партия и реализовала.

Да, кстати. Ни европейские, ни американские власти не

горели почему-то желанием принимать у себя еврейских беженцев из Германии. Это сейчас они все антифашисты и истовые борцы с нацизмом, а когда нужно было принять гонимых, утративших дом, Отечество и почву под ногами несчастных – НИКТО пальцем не пошевелил, чтобы хоть как-то им помочь!

6

И с аншлюсом Австрии все не так гладко, как мы привыкли считать – вот, мол, пришли злые немецкие нацисты и вовлекли добродушных австрийцев в свои коварные человеко-ненавистнические планы.

Начнем с того, что идея аншлюса с Германией витала в австрийском воздухе еще с осени 1918 года. Да-да! Аншлюс – вовсе не маниакальная идея Гитлера, как кажется сегодня многим, а результат чаяний достаточно большой части австрийских немцев.

21 октября 1918 года немецкие депутаты всей Австро-Венгрии заявили о создании Немецкой Австрии. А четыре судетские немецкие провинции, после 28 октября включенные в состав Чехословацкой Республики, тотчас заявили о своей независимости от ЧСР. Все они провозгласили себя частью Немецкой Австрии, а, кроме того, немецкое большинство Йиглавы, Брно и Оломоуца (это в Моравии, если кто не в курсе) также заявило о подобных притязаниях. И было с чего!

После 28 октября 1918 года во вновь провозглашенной ЧСР насчитывалось 3.123.568 немцев на 8.760.937 чехов и словаков. На восемь граждан «титულიной» нации – три «инородца»! Вдобавок «нацменьшинство» еще вчера было правящей нацией! Антанта заложила такую мину под фундамент

Чехословакии, которая просто не могла не взорваться.

12 ноября 1918 года Национальное собрание Австрии провозгласило Австрию составной частью Германской республики. ЭТО БЫЛ ПЕРВЫЙ АНШЛЮС!

Дальше – больше. 22 ноября четыре немецкие провинции (Дойчбемен, Судетенланд, Бемервальдгау, Дойчаюдмерен) были приняты Национальным собранием в состав Немецкой Австрии. И только в конце ноября чешские войска выступили против немецких провинций и к концу года заняли их окончательно.

Строго юридически – если правительство нацистов в Германии НЕ ПРИЗНАЕТ условий Версальского мира, то все границы, установленные по этому миру в Европе, НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ЗАКОННЫМИ,

Тем более – налицо юридический прецедент ноября восемнадцатого!

Но и это еще не все.

2 марта 1919 года между Германией и Австрией был заключен секретный договор о присоединении Немецкой Австрии к Германии, если мирный договор не запретит аншлюс. Но... Победители чуяли от немцев возможность какой-то подобной пакости, а посему заранее были к этому готовы. Немцев (германских и австрийских) погнали в Версаль, как когда-то римский папа погнал в Каноссу германского императора – каяться... Подписывать собственный приговор, уже вынесенный и обжалованию не подлежащий.

А в Версале правили бал победители – алчные и мстительные.

Немцы хотят жить в одном доме? А смолы им горячей за воротник! Именно эта логика прослеживается в действиях французов (главным образом французов, это важно!) во время подготовки условий Версальского мира. Вильсоновское «право наций на самоопределение» – не для «гуннов»!

Не важно, что в марте в Судетах прошли многосоттысячные демонстрации в пользу участия в выборах в австрийский парламент – на то есть чешская полиция. Каковая, кстати, застрелила во время этих демонстраций в Кадани 25, а в Моравском Штернберку – 16 немцев.

28 июня 1919 года.

ЗАПОМНИТЕ ЭТУ ДАТУ! С НЕЕ НАЧАЛАСЬ ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА!

В этот день германская делегация была вынуждена подписать Версальский мирный договор. В этот день на Германию опустилась ночь...

Австрия тоже получила по Сен-Жерменскому договору сполна. И даже с избытком. Новорожденному чехословацкому государству были переданы Немецкая Богемия, Судеты, области Богемского леса и Немецкой Южной Моравии. Катастрофическое экономическое положение Австрии, этого жалкого остатка Дунайской монархии, усугублялось еще и тем, что хозяйственные связи внутри империи были разорваны по-живому. И из перманентного кризиса Австрия не

смогла выйти вплоть до 12 марта 1938 года.

Что характерно – еще в марте 1931 года германское (еще отнюдь не нацистское!) и австрийское правительства выступили с предложением о таможенном союзе. Но в текстах Версальского и Сен-Жерменского договоров «победители» заблаговременно включили пункты, запрещающие аншлюс в любом виде. Немцы тогда отступили. Но ненадолго, как выяснилось уже через семь лет.

25 июня 1934 года группа австрийских нацистов предприняла попытку совершения государственного переворота, смертельно ранив при этом тогдашнего канцлера Дольфуса. Но засыпалась. Тогда экономические успехи Германии еще не так резали глаз уставшим от безысходной нищеты австрийцам, и были еще в Австрии люди, с недоверием относившиеся к идее аншлюса. Да и Муссолини изрядно подгадил фюреру, погнав пять своих дивизий к австрийской границе с целью удержать послушное ему (на тот момент) австрийское правительство у власти.

Новый канцлер, Шушниг, уже не так рьяно сажал в тюрьмы австрийских нацистов – уж больно они расплодились к 1937 году в Австрии. Более того, вынужден был амнистировать несколько тысяч австрийских приверженцев нацистской идеи.

Ну а дальше – все прошло по сценарию, написанному в Берлине. Была, правда, небольшая заминка – аншлюс все еще был запрещен условиями Сен-Жерменского мирного

договора. Но времена меняются – теперь «победители» уже не так рьяно отстаивали свои права. Германию начинали БОЯТЬСЯ...

В ноябре 1937 года лорд Галифакс, тогдашний английский министр иностранных дел, дал «добро» на вхождение Австрии в состав Германии. Это – исторический факт. Именно после британского согласия немцы смогли воссоединиться в едином государстве.

13 марта 1938 года вступил в действие закон «О воссоединении Австрии с Германской империей», частью которой, кстати, она была более тысячи лет (тогда это образование именовалось «Священная Римская империя германской нации», и Австрия Габсбургов там была за главаря). Аншлюс свершился без единого выстрела и под восторженный рев венской толпы.

6 апреля аншлюс был официально признан правительством Великобритании.

6 апреля аншлюс был официально признан правительством США.

Много австрийских партизан ушло в Альпы, чтобы сражаться с нацистской оккупацией?

ХОТЯ БЫ ОДИН?

Шесть австрийских дивизий вошли в состав вермахта с сохранением воинских званий и выслуги лет для всех генералов, офицеров, унтер-офицеров и рядовых. Австрийцы стали полноценными и полноправными гражданами Рей-

ха (немцы, разумеется; остальные, как и в Германии, стали «подданными»). Нигде и ни в чем права австрийского немца ни на йоту не были меньше прав немца из Саксонии или Ганновера.

А то, что в проведенном уже новой, германской властью, плебисците более 90 % населения Австрии проголосовало за аншлюс (задним числом) – так любая, пусть даже самая насквозь авторитарная, власть нуждается в одобрении своих действий избирателями. И чем выше процент проголосовавших «за» – тем приятнее этой власти чувствовать, что она дышит в унисон со своим народом.

15 марта 1938 года, выступая в венском дворце «Хофбург», Гитлер заявил: «Я объявляю германскому народу о выполнении самой важной миссии в моей жизни».

Безвестным странником покинув отчий дом четверть века назад, сегодня он вернулся – Победителем. Ему было чем гордиться в этот мартовский день в красавице Вене, алой от знамен Рейха, неистово приветствовавшей его на всем пути до дворца австрийских императоров. Он сделал это!

Но еще не все немцы жили под одной крышей. На восток от баварской границы более трех миллионов их единокровных братьев страдали от угнетения – и долг фюрера германской нации повелевал ему спасти их от страданий, боли и слез.

Преувеличение? Натяжка? Глупый пафос?

С 1620 года, с Белой Горы, Чехия была владением австрийских Габсбургов, и само понятие «Чехия» было лишь географическим (равноценным «Богемии и Моравии»). Триста лет на этой земле хозяевами были немцы. А в областях Дойчебемен и Судетенланд немцы ВСЕГДА были абсолютным большинством – во всяком случае, со времен их прихода в Европу, лет за триста до Рождества Христова.

И вот – извольте радоваться, территории, издревле заселенные немцами и последние триста лет бывшие собственностью австрийской короны, вдруг (по мановению жезла злых волшебников из Версаля) переходят под юрисдикцию новорожденного чехословацкого государства. А, кроме того, Германию вынудили отказаться в пользу Чехословакии от части Силезии и уезда Леобшюц.

Сначала все было вроде как у людей. В Конституции ЧСР 1920 года Чехословакия брала на себя обязательства соблюдать права и защищать интересы жителей, отличающихся от

большинства населения по расе, языку или религии. Но уже в ней обещания широкой автономии или, в крайнем случае, предоставление коллективных прав немцам удивительным образом исчезли, как исчезло все, что было обещано немцам при провозглашении ЧСР. Короче, при выработке этой новой Конституции победил чешский радикальный национализм – немцам было отказано в праве иметь какие бы то ни было органы немецкого самоуправления, кроме как на коммунальном уровне. Двух чиновников-немцев чешские законы заставляли говорить по-чешски!

Не был назначен немецкий министр по делам землячества (для контроля за соблюдением прав нацменьшинства). Немецкий язык не был признан вторым государственным.

Еще раз напоминаю, что на восемь чехов и словаков в ЧСР приходилось три немца! И эта вторая по численности группа населения сознательно лишалась каких бы то ни было прав на национальную самоидентификацию! Да и вся система чехословацкого права в национальном вопросе основывалось на индивидуальных правах личности, не признавая коллективных прав национальных меньшинств.

Кризис 1929 года безжалостно ударил по Чехословакии – но еще больнее он ударил по чешским немцам. Миллион безработных на три с половиной миллиона немцев – это по всем статьям явный перебор. Вы не находите? Когда КАЖДЫЙ ТРЕТИЙ НЕМЕЦ лишен возможности зарабатывать на хлеб насущный – о каком негодяе Генлейне вы продолжа-

ете толковать?! Да людям элементарно нечего было ЖРАТЬ!

Судето-немецкая партия Генлейна на парламентских выборах 1935 года в северо-западных районах Чехословакии вышла на первое место. Естественно, немцы начали надеяться на автономию либо федерализацию – а не тут-то было! «Narodni Listy», орган тогда оппозиционной партии национальных демократов (созданную К.Крамаржем, которому приписывается авторство чехословацкой государственной политики угнетения немецкого меньшинства), заявил, что предоставить немцам автономию нельзя. На их землях, дескать, останутся 350.000 чехов – как будто речь тогда шла не об автономии в границах одного государства, а об отделении Судет от Чехословакии!

Не хотите по-хорошему – тогда будет по-плохому. 12–13 сентября 1938 года в Судетах вспыхнуло восстание немецкого населения, под руководством Конрада Генлейна. Путч был подавлен, партия распущена, участники разосланы по тюрьмам – но это уже ничего не значило. Это была агония...

Гитлер потребовал вернуть немецкие территории Чехословакии под немецкое управление. Его требования были признаны законными, и 29 сентября 1938 года Великобритания, Франция, Германия и Италия подписали в Мюнхене соглашение о передаче судето-немецкой области Германии. Чехов даже не позвали на раздел собственной страны!

Чехословацкое правительство 30 сентября 1938 года одобрило аннексию части собственной территории.

8

Если ты считаешь эту землю своей – **сражайся за нее!**

Тем более – 23 сентября объявлена мобилизация, прошедшая в образцовом порядке. Отмобилизованы все дивизии, войска заняли пограничные фортификационные сооружения.

Союзники медлят с помощью? Да и черт с ними! Сражаться можно и в одиночку! Тем более – превосходство немцев в силах отнюдь не абсолютное! К осени 1938 г. Германия довела численность армии всего до 2,2 млн. человек, при 720 танках и 2500 самолетах. Численность армии Чехословакии насчитывала почти два миллиона человек, при 469 танках, 5.700 артиллерийских орудиях и 1582 самолетах

У чехов были военные заводы «Шкода» – одни из крупнейших в мире. Чехи производили оружие для половины государств планеты – Китай и Уругвай сражались с его помощью. У чехов было запасено оружия на тридцать дивизий. **Миллион двести тысяч винтовок Маузера**. Пятьдесят тысяч ручных и двенадцать тысяч станковых пулеметов. Сто четырнадцать тысяч пистолетов. Только противотанковых орудий (в том числе самых современных 47-мм пушек P.U.V. образца 36 года) – более 2.500, в три раза больше, чем тогда было танков у вермахта. 279 легких танков LT-35. Более полутора тысяч самолетов. Сражайтесь!

Нет.

Нет? Тогда зачем вам вообще собственная армия? И нужно ли вам собственное государство?

Надо сказать, что Гитлер думал не только о немцах. Тешинская область (восточнее моравско-остравского промышленного района) была передана Польше (некоторую часть населения в ней составляли поляки), часть Южной и Юго-Западной Словакии (где большинство населения составляли венгры) – Венгрии. Кроме того, Венгрии отошла южная часть Подкарпатской Руси (потому что до 1918 года это была часть владений венгерской короны). В ноябре автономия была Конституционным законом дарована Словацкому краю и Подкарпатской Руси.

Кстати, любопытный факт. В Словакии тоже были территории с компактным проживанием немецкого населения. Например, городок Партизанске в Центральной Словакии (Партизанском он стал после 1945 года), в котором прожил большую часть своей жизни классик словацкой литературы Рудольф Яшик, в 1939 году на три четверти был немецким. Но немцы здесь были пришлым этническим элементом, и Гитлер НИКОГДА НЕ ТРЕБОВАЛ перехода под германскую юрисдикцию словацких городов с немецким населением. Потому что эти города НИКОГДА не принадлежали Австрии (формально, конечно, это были земли Габсбургов, но здесь они выступали в ипостаси венгерских королей) или Германии...

И еще. Если чехи со словаками такие братья – не разлей вода, то почему не дожила единая Чехословакия до наших дней? Разбежались «два братских славянских народа» по своим квартирам, неумоготу им стало жить вместе. Тоже виноват Гитлер? Спустя пятьдесят лет после первого распада «единой Чехословакии»?

«Умиротворение агрессора» – так принято называть уступки Гитлеру со стороны западных держав. Помилуйте, господа хорошие! Да в тридцать восьмом году у вермахта было едва пятьсот танков – у Франции их было раз в пять больше! «Восстановление исторической справедливости» – этот термин более подходит ко всему тому, что происходило в Центральной Европе во второй половине тридцатых годов.

14 марта 1939 года Словацкий сейм принял закон о самостоятельном и независимом Словацком государстве, а 15 марта было опубликовано «совместное» заявление правительств Германии и ЧСР, в котором говорилось о том, что отныне германский Рейх берет на себя заботу о дальнейшем существовании «протектората Богемии и Моравии». Независимая Чехословакия кончилась, так и не решившись сделать ни одного выстрела по «немецким оккупантам». НИ ОДНОГО ВЫСТРЕЛА!

Потом, когда всеевропейская катастрофа превратит мир в бесконечную череду насилия, смерти и разрушения, когда победы вермахта потонут в технологическом, численном, ресурсном превосходстве союзников – тогда этот судетский

кризис покажется каким-то детским утренником, проведенном двумя группами актеров на потребу невзыскательной публике. И мирное вхождение Богемии и Моравии в состав Рейха на правах протектората останется какой-то далекой, полузабытой, немыслимой фантазией в пламени вселенского кровавого пожара, уничтожившего «новую Европу» Адольфа Гитлера.

Но пока на календаре – март тридцать девятого, и к Рейху присоединяется еще один кусочек германской земли, выхваченный у него в 1923 году.

Что характерно – Мемель де-юре оставался в составе Германии и после Версальского мира. Но до выплаты репараций (чудовищно громадных репараций, поставивших к началу двадцать третьего года Германию на грань голодной смерти) город, крепость и порт передавался под совместное управление союзников-победителей. Так сказать, в залог.

11 января 1923 года французы ввели свои войска в Рейнскую область – Германия истощила все свои мыслимые и немыслимые ресурсы в попытках выплатить репарации, и к январю двадцать третьего года превратилась в банкрота. Взять в обездоленной стране французам было уже нечего – так хоть покуражиться!

А известно – куда конь с копытом, туда и рак с клешней. И Литва (ничтожный лимитроф, еще одно нелепое порождение Версаля, заштатная провинциальная республика на краю карты) тоже решила урвать клочок германской территории! И в течении двух дней, с 13 по 15 января 1923 года, литовские войска (право слово, самому смешно это словосочетание – «литовские войска» – но ведь из песни слова не выкинешь) оккупировали Мемель. 23 января город и порт,

по-быстрому переименованный в Клайпеду, был официально присоединен к Литве.

Налицо – акт откровенного бандитизма и неспровоцированной агрессии. Литве Германия была НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА, и если французы на оккупацию Рейнской области еще какие-то права (пусть права победителей, не важно) все же могли предъявить, то маленький, но ужасно агрессивный лимитроф никакого основания для захвата немецкого порта Мемель НЕ ИМЕЛ.

Забавно иногда читать советские книжки. Особенно про предвоенный период.

Мы там такие миролюбивые! Мы так заботились о «коллективной безопасности»! Мы весь мир дурным голосом предупреждали об опасности «фашистской агрессии»! А нас никто не слушал – вот и разразилась Вторая мировая!

А еще – во всех наших книжках Германия в 1939 году «захватила литовский город Клайпеду». Какие бяки эти немцы! Мало им Австрии, Чехословакии – они еще и бедную маленькую Литву норовили обидеть!

22 марта 1939 года Гитлер потребовал от Литвы вернуть Мемель Германии. Вернуть, проще говоря, украденное.

Литовцы решили, что по-хорошему будет все же значительно лучше, чем по-плохому. И быстренько свернули свою шарман... пардон, свою администрацию.

15 мая 1939 года Великобритания и другие члены Лиги наций признали де-юре переход Мемеля к Германии.

На мае тридцать девятого года мы пока и остановимся.

Что сразу бросается в глаза человеку, сумевшему абстрагироваться от агитпропа «победителей»?

Все территориальные «приобретения» третьего Рейха – не более чем **возврат собственности подлинному владельцу**. Может быть, произведенный несколько грубо и навязчиво, но совершенно легитимно.

Аншлюс Австрии? С согласия самих австрийцев и при одобрении стороны, подписавшей Версальский и Сент-Жерменский договора со стороны «победителей». ВТОРОЙ АНШЛЮС – первый был, если помнит читатель, еще в марте 1919 года. Плебисцит, проведенный, правда, уже после фактического воссоединения, факт добровольности этого акта австрийского народа подтвердил. С точки зрения международного права все справедливо.

Присоединение Судетской области к Германии? На основании вильсоновских «четырнадцать пунктов» (точнее, одного из них, «права нации на самоопределение»), с согласия всех европейских гарантов чехословацкой независимости. И с последующим одобрением чехословацкого правительства.

Установление протектората Германии над Богемией и Моравией? С согласия тогдашнего законно избранного правительства Чехословакии. Никто президента Гаху на этот шаг насильно не толкал. Мог бы и отказаться – дескать, рас-

стреливайте, но бумагу эту вашу гнусную ни за что не подпишу. Тем более – пожилой человек, свой век прожил, мог бы и записаться в мученики чехословацкого народа. Нет, совместное заявление с Гитлером подписал – и не как гражданин Гаха, проживающий на Виноградах, улица Вацлава Непомуцкого, дом Штойбера – а именно как Президент Чехословацкой Республики.

Отмечу в скобках, что все послевоенные байки о чешском сопротивлении, вспыхнувшем после 22 июня 1941 года – практически процентов на девяносто чистой воды вымысел. Работали чехи на германский Рейх исправно, строили бронетранспортеры и самоходки, тачали сапоги, патроны миллионами штук и снаряды сотнями тысяч. Которыми, замечу, немцы убивали наших с вами, читатель, дедов и прадедов.

Инженеры чешских фирм МВВ (бывшая «Прага») и «Шкода» на базе своего танка LT-38 создали для вермахта отличные самоходные орудия («Мардер» с нашей трофейной 76-мм пушкой Ф-22, лучшую у панцерваффе легкую противотанковую самоходку «Хетцер»). А ведь работай они с чуть меньшим усердием – скольким нашим танкистам была бы сохранена жизнь? С апреля 1944 по 9 мая 1945 (я не шушу, до 9 мая (!) чехи делали технику для немцев!) с конвейеров сошло 2584 самоходки «Хетцер», крайне эффективных в борьбе с русскими танками. Гайки б в цилиндры двигателей они бы немцам кидали, что ли! Так ведь нет, «хетцеры» отличались отличными эксплуатационными характери-

стиками, немецкие танковые генералы это в один голос подтверждают.

Вермахт оккупировал остатки Чехословакии за четыре часа. **ЗА ЧЕТЫРЕ ЧАСА!** У вас, черт бы вас побрал, на складах миллион с четвертью винтовок – раздайте их населению! Сыпаните напоследок блох немцам за воротник!

Исполнительные чешские офицеры сдали все вооружение и технику вермахту в образцовом состоянии.

И после этого они будут твердить о **«насильственном включении протектората Богемии и Моравии в состав германского Рейха»?!**

Когда женщину насилуют – она зубами и ногтями рвет насильнику лицо. И суд, почитав медицинское заключение, где описаны следы этого бесполезного, но отчаянного сопротивления – признает: «да, факт изнасилования имел место, получи, дорогой гражданин имярек, свою десятку и ехай в далекие края, тяжким трудом на лесоповале искупая свой грех». А если никаких следов на цветущей роже подсудимого нет – тут любой суд задумается: а было ли вообще насилие? Или дамочка просто хочет срубить денег по-легкому? Или засадить надоевшего любовника туда, куда Макар телят не гонял? Чтобы под ногами не вертелся, не мешал новые романы крутить?

Чехи не сделали по вступившему в пределы их страны врагу ни одного выстрела. За исключением роты капитана Павлика, не пожелавшей сложить оружие и давшей

бой вермахту в Мистеке – но это была личная инициатива не самого, наверное, дисциплинированного, но единственного **настоящего** чешского офицера...

Сегодня чехи могут сколько угодно оправдываться, по миллиону раз на дню вспоминать свою «Пражскую весну», задавленную русскими танками – мы все равно будем помнить, чьи руки в 1939–1945 годах собирали пулеметы, из которых убивали русских солдат.

Так что с Чехией все более-менее ясно, а уж о Мемеле вообще речи быть не может – здесь Германия в чистом виде потерпевшая сторона! И возврат города-порта – абсолютно законная процедура, кстати, признанная таковой всеми международными органами.

Так за что ж так невзлюбили Гитлера демократические страны? Отчего к этому времени, еще не пролив особой крови, он уже стал хрестоматийным злодеем в прессе всего «свободного» мира?

А за «хрустальную ночь»!

А если быть точным – за исключение евреев из хозяйственной жизни Германии и всей Центральной Европы, за неполученные прибыли и ариизированную недвижимость, за создание независимой от международного вненационального капитала экономики.

По большому счету, за немислимо опасный пример для всего остального мира.

Давайте определимся. Германия – демократическое государство (на момент прихода к власти нацистов, разумеется). И германский народ большинством голосов избирает руководить страной партию, в чьих программных целях изгнание евреев из хозяйственной жизни страны и планомерное оздоровление немецкой экономики стоят на первом месте. Такова воля немецкого народа – будем с ней считаться.

НСДАП последовательно ведет свою линию. Профсоюзы разогнаны, их собственность национализирована – вместо этого и промышленники, и рабочие объединяются в Немецкий трудовой фронт. Забастовки запрещены – отныне все споры между нанимателями и рабочими решают специальные суды. Безработица ликвидирована, начато колоссальное строительство – авто- и железнодорожное, которое без остатка вбирает в себя свободные рабочие руки.

1938 год – начало четырехлетнего плана. Прилив деловой активности, рост производства – небывалый!

С 1936 по 1939 год объем общего промышленного производства вырос на 27 %, за 1939 год Германия произвела 24 миллиона тонн чугуна (что составило 22 % общемирового производства), 22.3 миллиона тонн стали (24 %), 333 миллиона тонн каменного угля (17 %), а по производству искусственного каучука и металлообрабатывающих станков заня-

ла устойчивое первое место. Экспорт черных металлов Германией превысил подобный американский показатель вчетверо!

Безработицы нет, есть уже дефицит трудовых ресурсов. При постоянном росте благосостояния немецких рабочих, заметим в скобках!

Заработная плата немецкого рабочего (в зависимости от квалификации) в 1938 году составляла от 300 до 500 марок в месяц. Офицер в чине лейтенанта получал 109 марок в неделю, кадровый унтер-офицер – 56 марок в неделю. Курс марки к доллару на тот момент составлял 1 к 0.4, то есть за одну марку – сорок американских центов. Но это еще ни о чем не говорит.

Говорят цены на продовольственные и промышленные товары.

Литр пива в Германии в 1938 году стоил 50 пфеннигов, в пивной за него просили марку. Килограмм сосисок «вайсвюрст» стоил три-четыре марки (были сорта и подешевле, за две марки). Пиджачная пара обходилась немцу в 40–60 марок.

Автомобиль ДКВ, позже известный как «Фольксваген Жук», по прайс-листу завода стоил бы немецкому гражданину в 1939 году (если бы началось его массовое производство) 990 марок.

Кстати, немного о проекте «народного автомобиля».

26 мая 1938 года Адольф Гитлер заложил первый камень

в фундамент этого завода. Немецкий Трудовой Фронт инвестировал в его строительство 300 миллионов марок – и к июлю 1939 года завод уже дал первую продукцию! Всего до 1 сентября было построено 630 «жуков», затем завод перешел на производство военной техники.

Продавать эти машины планировалось в кредит, каждый желающий (по плану немецкого руководства) получал бы в свое полное владение «жука» и еженедельно в течение неполных 4 лет платил бы за него 5 марок. При ежемесячной средней зарплате в 400 марок платить из них 20 марок за автомобиль – совсем не обременительно!

Германия строит круизные лайнеры – ДЛЯ РАБОЧИХ! Точнее, для организации «Сила через радость» – подразделения Немецкого трудового фронта, призванного заботиться об отдыхе своих членов. Тот же «Вильгельм Густлоф», потопленный нашей подводной лодкой С-13 под командой капитана Маринеско в январе сорок пятого, строился именно как круизный лайнер для простого народа. Он даже успел за два предвоенных года покатасть по солнечному Средиземноморью более шестидесяти тысяч немецких рабочих. Самым характерным признаком доверия населения к власти стал бурный рост рождаемости – сравните это с сегодняшней катастрофической демографической ситуацией в России.

Адольфу Гитлеру любой более-менее образованный шелкопер с удовольствием вставляет в вину его фразу «пушки вместо масла». И ни один деятель не спросит самого себя: а вместо масла ли создавались эти пресловутые пушки?

Так вот – никак нет. Пушки в национал-социалистической Германии создавались **вместе** с маслом – для чего великий финансист двадцатого века Ялмар Шахт немало поломал голову. И нашел несколько великолепных экономических решений, которые позволили снабдить вермахт отличным оружием без *понижения жизненного уровня* немецкого народа.

С 1934 по 1 сентября 1939 года военные расходы Германии составили 60 миллиардов марок, иными словами – 59.1 % расходов бюджета. Вроде ужасно много?

На самом деле – не очень.

Производительность труда в германской промышленности в это время была одной из самых высоких в мире. Теоретически германская экономика могла с легкостью снабдить армию оружием, гражданское население – всеми необходимыми ему средствами для жизни и отдыха, включая автомобили и квартиры, причем в весьма ограниченные сроки и в необходимом количестве.

Этот процесс был ограничен лишь финансовыми возможностями государства (заказчика вооружений) и населения

(покупателя швейных машинок, велосипедов и штанов с юбками). На покупку у промышленных фирм-производителей нужного количества танков и штанов ни у государства, ни у населения не было денег – причем не было не красивых радужных бумажек (их-то можно напечатать сколько угодно), а реальных денег – золота, серебра, платины, запасов нефти, цветных металлов – всего того, что именуется «реальными активами». Надо было выбирать – или покупать танки, или штаны. Третьего, казалось, было не дано.

Как сделать так, чтобы, начав массивированное строительство танков, пушек и самолетов, не оставить это самое население без этих самых последних штанов? В то же время не подняв колоссальную инфляционную волну? Над решением этого вопроса и посейчас бьются самые отчаянные кейнсианцы – немецкие же нацисты (не сами, конечно; для этого у них были высокопрофессиональные экономисты) смогли решить эту проблему.

Они создали **параллельные деньги**. Предназначенные исключительно для финансирования производства вооружений, не имеющие свободного обращения на финансовом рынке вне Германии. Говоря простым языком – создали дублирующую кровеносную систему немецкого хозяйственного механизма (как известно, деньги – кровь экономики).

Сначала, в 1934–1935 годах, такими деньгами были векселя Metallургического научно-исследовательского общества (Mefo). Их эмитировали для оплаты вооружений фир-

мам-поставщикам, они гарантировались государством и были нормальным финансовым инструментом – с одной оговоркой. Они могли использоваться лишь промышленными предприятиями, работающими на войну.

Из 101.5 миллиарда марок расходов немецкого бюджета в 1934–1939 году, не менее 20 миллиардов марок представляли собой не реальные деньги, а векселя Mefo, то есть инвестиционные деньги, не имеющие хождения на рынке, а посему – не создающие инфляционного давления на экономику.

Но это было только начало.

С 1938 года вместо денег имперское кредитное управление фирмам-производителям начало выплачивать «денежные переводы за поставку» со сроком погашения в шесть месяцев. За год таких переводов было выплачено более чем на шесть с половиной миллиардов марок – ни одна из них не пошла на закупку новеньких «Мерседесов» для топ-менеджеров военных концернов или на приобретение шикарных особняков и яхт на Бодензее. Все были целевым образом потрачены на оружие для вермахта.

С 1939 года 40 % военных заказов начало оплачиваться так называемыми «налоговыми квитанциями», которыми подрядчики (создатели вооружений) имели право рассчитываться с поставщиками. Всего до начала войны таких квитанций было выплачено 4.8 миллиарда марок.

Дабы исключить «бегство капиталов» за границу, в 1937 году было издано «положение о немецких банках», по которому ликвидировалась независимость государственного банка, прекращался свободный обмен марки на иные валюты, и прекращались полномочия Базельского банка (коему союзники, на основании соответствующих статей Версальского договора, поручили контролировать немецкую финансовую систему до выплаты всех репараций). А «Закон о государственном банке» 1939 года вообще снял все ограничения по предоставлению государственного кредита – необходимость в параллельных деньгах отпала, отныне марка обеспечивалась втрое возросшим достоянием Третьего рейха!

Мало того, чтобы под предлогом внешнеторговых сделок ушлые коммерсанты не вывозили из рейха валюту, с 1934 года по так называемому «Новому плану» внешняя торговля перешла под полный государственный контроль, а все предприятия вошли в состав семи «имперских групп промышленности».

Германия старательно исключает иностранную валюту из своего внешнеторгового оборота – справедливо полагая, что главную прибыль от использования своей валюты в чужой внешней торговле получает ее эмитент. Посему национал-социалистическое правительство создает систему кли-

ринговых расчетов со странами Юго-Восточной Европы. В условиях хронического отсутствия у Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии и Польши иностранной валюты предложение немцев работать по клирингу вызывает неподдельный энтузиазм.

Например, экспорт Германии в Польшу в 1939 году вырос, по сравнению с предыдущим годом, на 27 %, польский экспорт «подрос» более чем на 14 %.

Денежное обращение Германии, благодаря частичному исключению военной продукции из обычного товарно-денежного оборота, оставалось монетаристским, в лучших традициях Чикагской школы. Финансирование же военных заказов руководство Германии смогло произвести путем создания инвестиционных денег, стимулируя рост производства без ущерба для благосостояния нации.

Цены на товары для населения (не важно, швейные машинки или зубочистки) назначались однажды, раз и навсегда, были твердыми и достаточно низкими. Специально назначенный комиссар по ценам (должность существовала с 1936 года) не только контролировал, но и назначал цены (для чего производитель должен был их скрупулезно обосновать). Дабы избежать дефицита тех или иных товаров, были введены строгие нормы расходов этих самых товаров. Это была еще не карточная система, но уже вполне близкая ей. Тем не менее, изобилие товаров и продовольствия на прилавках немецких магазинов не убывало – наоборот.

Цены на многие продовольственные товары были в Рейхе сознательно завышены – но на приобретение молока, птицы и яиц рабочие получали 1 миллиард марок в год в виде специальных дотаций.

Кроме того, на определенную сумму Немецкий трудовой фронт бесплатно выдавал своим членам специальные талоны, которые можно было использовать лишь на определенные товары.

Скажем, производство искусственных тканей превысило планируемый объем, а население их покупает неохотно, склады затовариваются – немедленно НТФ выдает своим членам талоны на искусственные ткани, на то количество,

что составляет складские запасы без шансов на успешную продажу их на рынке. Или урожай апельсинов в Испании побил все мыслимые рекорды, и каудильо Франко надеется ими рассчитаться с Германией за ее помощь в гражданской войне – рабочие получают бесплатные талоны на апельсины.

Для того, чтобы проиллюстрировать успешность национал-социалистической модели экономики, стоит сообщить, что уровень оптовых цен с 1939 по 1944 год возрос всего лишь на 9 %, уровень жизни – на 12 %, уровень заработной платы – на 11 %. Немыслимые цифры для страны, ведущей яростную войну со всем миром на нескольких фронтах!

Германия в 1938 году достигла 20.8 % общемирового промышленного производства – этим самым ДОГНАВ Великобританию со всеми ее колониями!

Столь успешная экономическая модель развития базировалась на идеологии национал-социализма. Причем в данном случае идеология – это не совокупность неких абстрактных принципов, а именно комплекс практических мер в экономике, политике, социальной сфере.

«Национализм Гитлера строился на еврейском расизме. Евреи считают, что только они богоизбранная нация, а остальные нации – гои, недочеловеки; Гитлер это у них перенял: он точно так же считал, что высшей нацией мира являются арийцы и их высшая ветвь – германцы, а остальные нации – это недочеловеки.

В «своем» социализме Гитлер полностью отказался от главных догм Маркса: от классовой борьбы и интернационализма. Геббельс пояснял рабочим Германии, что советский большевизм – это коммунизм для всех наций, а германский национал-социализм – это коммунизм исключительно для немцев».

Отказавшись от классовой борьбы, Гитлер отнюдь не стал национализировать находящиеся в частной собственности промышленные предприятия – этого у нацистов в программе вообще не было! Гитлер не отбирал собственность у ее владельцев, и даже в принципе не планировал столь большевистские методы. Но он поставил хозяев заводов в жесткие

рамки единого государственного хозяйственного плана и под жесткий контроль за их прибылью – в свою очередь, гарантируя им государственный заказ на их продукцию. Но при этом хозяева заводов и фабрик не могли перевести и спрятать деньги за границей, чрезмерно расходовать прибыль на создание себе излишней роскоши – они обязаны были доходы от своей коммерции вкладывать в развитие производства на благо Германии.

Если формула интернационал-большевистского социализма, позаимствованная им у Маркса, была исключительно материальной, а посему – убогой: "от каждого по способности, каждому по труду", – то концепция социализма Гитлера гласила иное.

"Социализм означает: общее благо выше личных интересов.

Социализм означает: думать не о себе, а о целом, о нации, о государстве.

Социализм означает: каждому свое, а не каждому одно и то же".

Национал-социалистическая идеология обеспечила исключительное сплочение немцев вокруг своего государства. Когда началась война, то измена военнослужащих воюющих с Германией государств была обычным делом – на сторону немцев переходили сотнями тысяч и миллионами (кто-то хочет поспорить? Советских граждан в составе вермахта и СС насчитывалось, по разным оценкам, от миллиона до полуто-

ра!). А в сухопутных и военно-воздушных силах Германии за 5 лет войны изменили присяге, по сведениям Ю.Мухина, всего 615 человек и из них – ни одного офицера!

Было и еще одно отличие национал-социализма от марксизма. Фундаментальное отличие, доказывающее, что марксизм – учение агрессивное, являющееся кривым зеркалом зарождавшегося в те же годы «глобализма»; национал-социализм же – исключительно автономное, закрытое, а потому – обращенное внутрь себя и не нуждающееся в неопитах иной крови, учение. Марксизм утверждает, что победа социализма в одной стране невозможна и поэтому требует от коммунистов распространять коммунистические идеи по всему миру. А Гитлер совершенно определенно указывал, что национал-социализм для экспорта не предназначен – он исключительно для внутреннего использования немцами. **НЕМЦАМИ!** Больше никаких народов в свой национал-социалистический рай Гитлер не приглашал. Все остальные нации были ему безразличны, а самая «ненемецкая» нация, евреи, однозначно должна была из Германии исчезнуть – ни им, ни их деньгам, ни их идеям в Третьем Рейхе места не было.

Экономические успехи третьего Рейха шли рука об руку с постепенным исключением еврейского капитала из экономической жизни страны.

26 марта 1938 года – декрет о запрете регистрации еврейской собственности на сумму более пяти тысяч марок. 12 ноября – декрет об исключении евреев из немецкой хозяйственной жизни. 3 декабря – закон об обязательной ариизации еврейских предприятий. До этого ариизация (продажа принадлежащих евреям предприятий немцам, усиленно «рекомендуемая» властями) была, в общем-то, делом частным, а с 3 декабря тридцать восьмого стала всегерманским промыслом.

Заметим, кстати, что ариизация имущества НАЦИОНАЛИЗАЦИЕЙ НЕ ЯВЛЯЛАСЬ. Это была формально свободная купля-продажа!

Любой рядовой немец видел – с каждым днем экономическое положение Рейха (и его личное благополучие) все более укреплялось. Каждый немец видел, что этот процесс неотделим от постепенного исключения евреев из экономической жизни страны (хотя надо отметить, что в тридцать восьмом году все еще более сорока тысяч предприятий принадлежало евреям). Если одно неотделимо от другого – значит, нацисты опять оказались правы?! И всем немцам надо сделать

последнее усилие, чтобы наконец-то вынудить ВСЕХ евреев навсегда покинуть Германию? Они, несмотря ни на что, все же не хотят уезжать? Значит, общегерманский погром подтолкнет даже самых несговорчивых!

А то, что 7 ноября 1938 года польский еврей Гершель Грюншпан застрелил в Париже советника немецкого посольства фон Рата, и это стало поводом для «хрустальной ночи» – пустое. Ну, застрелил и застрелил, что тут такого? Просто очень эмоциональный юноша, получил письмо от родителей – и решил отомстить! Ничего удивительного, дело житейское. Хотя странно, что стрелял он в чиновника *немецкого* МИДа. Ведь родители его были выдворены 28 октября 1938 года из пределов Рейха как *польские* граждане, которым консульство Польши отказалось продлевать паспорта. Так что, по логике вещей, мальчишка должен был всадить пять-шесть пуль в *польского* дипломата. Ведь именно из-за позиции польского государства родители Грюншпана потеряли возможность жить в относительно сытой Германии и переехать в унылое и голодное польское захолустье!

Кстати сказать, евреи немцев-нацистов постреливали и до этого. В тридцать шестом году, например, Давид Франкфуртер застрелил лидера швейцарских национал-социалистов Вильгельма Густлофа – и ничего, никакого всегерманского погрома не случилось. Хотя Густлоф был личным другом Гитлера!

У евреев в Германии по состоянию на 1933 год было соб-

ственности на 12 миллиардов золотых марок. Которая приносила постоянный гигантский доход. И уезжать с такого Клондайка в палестинскую пустыню – ищите дураков! И как нацисты ни изгалялись, как ни вешали на одежду евреев «звезды Давида» или заставляли всех евреев первым своим именем ставить «Израиль», а всех евреек – «Сара» – ничего не помогало. К 1938 году из Германии уехало едва сто пятьдесят тысяч евреев, менее трети всей еврейской общины.

Хрустальная ночь – это формальное объявление войны.

И десятое ноября тридцать восьмого – это дата начала всемирной битвы национал-социализма с международным вне-национальным капиталом. Войны, которая могла кончиться только абсолютной победой одной стороны и абсолютным поражением другой – двум непримиримым идеологиям не было места на Земле

Глава вторая

1

Польша в 1939 году стала очередной жертвой фашистской Германии.

Это – горькая правда. Учитывая военные потери, понесенные польским народом за шесть лет Второй мировой войны, а также насильственное послевоенное утверждение в ней советского строя – вне всяких сомнений, Польша была жертвой.

Фашистской Германии?

Ни у одного человека, проучившегося в средней школе хотя бы пять лет, сегодня эта фраза не вызывает никаких сомнений. Так же, как и «Земля круглая» и «Великобритания – королевство». Это – аксиома истории, в ряду прочих разных аксиом.

Так вот, дорогой читатель, мы смеем утверждать:

Это – абсолютный, рафинированный, чистой воды вымысел!

Потому что правда истории состоит в том, что **Польша в 1939 году стала очередной жертвой англо-французских победителей в Первой мировой войне!**

Что-то не так? Не вяжется подлежащее со сказуемым?

Еще как вяжется!

Начнем, как водится, от сотворения мира.

Вторая Речь Посполита была воссоздана из небытия после более чем столетнего отсутствия на политических картах мира благодаря государствам Антанты (в числе коих на тот момент числилась и Россия Керенского). В границах 1792 года, как любят повторять поляки.

«Ребеночек», надо сказать, родился на удивление буйным и агрессивным.

Только появившись в экстренных выпусках газетных новостей, новорожденное государство тут же затеяло несколько периферийных войн – практически со всеми своими соседями.

О советско-польской войне знают если не все, то многие, поэтому подробно о вторжении поляков в пределы Белоруссии и Украины, об отступлении Красной Армии, о контрударе Первой Конной, о походе на Вислу Тухачевского и о его позорном провале мы здесь распространяться не будем. И о Рижском договоре 1921 года, по которому большевики легко и непринужденно отдали в польскую кабалу Западную Белоруссию и Западную Украину – тоже не будем.

2

Вскользь упомянем несколько других войн, которые вела в начале двадцатых годов Польша.

С Литвой – за Вильно и Виленский край.

Первый раз поляки захватили Вильно 1 января 1919 года, но уже через пять дней были выбиты из города советскими и литовскими войсками.

Вторично город и край были захвачены 1-ой пехотной дивизией генерала Рыдз-Смиглы 19 апреля этого же года, и на этот раз довольно основательно.

Плевать, что 8 декабря Совет Антанты принял решение о восточной границе Польши (так называемой «линии Керзона»), по которому Вильно и Виленский край отходили к Литве. У поляков был свой взгляд на делимитацию границы и территориальную принадлежность этой территории (населенной, кстати говоря, в основном белорусами католического вероисповедания, но их интересы почему-то Антанта не учитывала).

31 марта 1920 года Литва и РСФСР вступили в военный союз против Польши и 14 июля советские войска выбили поляков из Вильно. А затем, в соответствии с договором, 26 августа передали город литовским войскам. На что Польша ответила вторжением своих частей в Литву уже 22 сентября. Но Антанта пригрозила пальчиком своим ошалевшим от

неожиданно обретенной свободой повоевать вволю лимитрофам – и 7 октября в Сувалках был подписан мирный договор между Литвой и Польшей, по которому Вильно оставался за «прибалтийскими радикалами».

Но отдавать Вильно и край во владение этим сомнительным лабусам Польша не планировала и в самых страшных снах. Прямая агрессия польских войск теперь, после вмешательства «больших дядей» из Антанты, стала затруднительна по внешнеполитическим соображениям. Но ведь никто не мешает «восставшему народу» захватить власть в родном городе? Ведь о чем мистер Вильсон непрерывно вещал со всех трибун? О том, что каждая нация имеет право на самоопределение!

Очень хорошо! Дело за малым – создать подобную нацию, а там пойдет, как по маслу!

Сказано – сделано.

9 октября 1921 года в пределы Литвы вторгается 1-ая литовско-белорусская дивизия генерала Желиговского, якобы взбунтовавшаяся против Пилсудского и самостоятельно принявшая решение отвоевать земли «дедич и отчич».

Белые нитки, которыми была шита эта затея, были толще нитки в руку!

В Виленский край, уже захваченный поляками (пардон, теперь они «литовцы-белорусы»), прибывают войска Антанты и разъединяют противоборствующие стороны. Что не мешает генералу Желиговскому 30 ноября издать декрет о

выборах в Виленский сейм и о плебисците среди населения края о территориальной принадлежности «Серединной Литвы» (так он обзывает оккупированную территорию)

20 февраля, после звонкой победы Желиговского на плебисците, Виленский сейм принимает постановление о вхождении Серединной Литвы в состав Речи Посполитой. Простенько и со вкусом, вполне демократично и в духе соблюдения прав человека.

24 марта 1922 года польский Сейм принимает Виленский край в состав Польши (а что делать? Волеизъявление народа, с ним не пошутишь!).

И 15 марта следующего года парижская конференция Антанты признает Вильно и Виленский край собственностью Польши. Все законно!

Но не только с литовцами и москалями сражались храбрые сыны Польши. Успели они за эти три года повоевать и с чехословаками (за Заользье, как его обзывают севернее Бескид, или за Тешинскую Силезию, как считают южнее) – здесь им не выгорело, Антанта признала тешинскую область чешской собственностью; и с немцами – за Верхнюю Силезию. Тут вообще простор для легенд у поляков громадный – почитай, в каждом их городе есть улица или площадь «повстанцев шленских». А дело было так.

По Версальскому миру Польше отходила Западная Пруссия и Познань с воеводством. А относительно будущего Верхней Силезии (район Катовице, если кто не знает) и Юго-Восточной Пруссии было принято решение провести плебисцит – пусть немцы (а немцев там было большинство!) решают, откуда им получать руководящие указания и куда слать налоги и подати, в Варшаву или в Берлин.

Трижды поляки поднимали восстания в Силезии. Ничего не поделаешь – Антанта, несмотря на то, что результаты плебисцита (63 % «за») недвусмысленно говорили о немецком будущем края, приняла решение часть Верхней Силезии (29 % территории и 46 % населения, одним словом, весь Верхнесилезский промышленный район) передать Польше. 17 ноября 1921 года Лига наций одобрила этот передел гра-

ниц. Немцы, естественно, затаили некоторую злобу, но тогда они были слабы и беспомощны – и поэтому уступили.

Но самая кровопролитная и беспощадная война шла в 1918–1920 годах между поляками и украинцами. Нет-нет, дорогой читатель, не с Советской Украиной – а именно с украинцами!

1 ноября 1918 года власть в Галиции захватила Украинская Национальная Рада. В общем, те же петлюровцы, но еще «украинистее». А через три дня, 4 ноября, во Львове поднимают восстание польские легионеры. И, несмотря на то, что 9 ноября УНР провозглашает независимость западно-украинских земель, польские войска (собранные с бору по сосенке) выбивают галичан из Львова. «Правительство» Западно-Украинской Народной республики переезжает в Станислав, линия фронта между милицейскими, по сути, формированиями галичан и поляков стабилизируется до мая 1919 года.

Все это время западноукраинские политики и деятели администрации Директории Петлюры (в то время захватившего Киев и небольшой срок бывшего «головой» Украины) долго и нудно договариваются о совместных действиях. Но для галичан главным врагом является Польша, Петлюра же ждет основную массу пакостей с востока, от большевиков. В результате действия двух украинских республик не согласованы, и когда с запада переходит в наступление переброшенная в Восточную Галицию армия Галлера (в 80.000 шты-

ков регулярных войск, созданная во Франции из тамошних и пленных поляков – граждан Германии), а с востока – Красная Армия, украинские отряды терпят сокрушительные поражения и разбегаются в ужасе. Западная Украина остается в руках поляков, после Рижского мира 1921 года – навсегда (как они думают).

В результате всех этих войн и конфликтов у Польши к 1939 году – территориальные проблемы СО ВСЕМИ СОСЕДЯМИ! Это – мудрая внешняя политика? Или тупой шляхетский гонор?

К тому же Польша вместе с Германией участвует в оккупации Чехословакии! У них серьезнейшие проблемы с немецкими территориями, незаконно захваченными и насильно удерживаемыми – а они помогают немцам расчленивать славянское государство! Где у пана розум?

4

Что характерно – территориальные претензии Германии к Польше, впервые внятно озвученные 24 октября 1938 года Риббентропом польскому послу Липскому, были более чем умеренны. Именно – более чем!

Германия не потребовала от поляков возвращения Познани и Поморья. Хотя Польша владела этими территориями на основании статей Версальского мира – большинство населения там составляли поляки, и эти территории перешли к Пруссии в результате разделов Речи Посполитой. То есть все же были исконно польскими, несмотря на столетнее пребывание в составе прусского (а затем и германского) государства.

Германия не потребовала от поляков возвращения Верхней Силезии – хотя города, шахты, заводы и фабрики этого бесценного промышленного района были построены немцами. Даже не смотря на то, что результаты плебисцита в этих землях в свое время были в пользу Германии – Риббентроп не считал возможным требовать от поляков возврата этих земель. Из чистого альтруизма, очевидно – надо же полякам где-то копать уголь, чтобы отапливать свои дома?

Что же Германия потребовала от Польши? Если избавить эти требования от пропагандистской шелухи советской (английской, польской, французской, далее везде) пропаганды?

Первое. Возвращение Германскому Рейху города Данцига с окрестностями.

Второе. Разрешение построить по так называемому «польскому коридору» экстерриториальную автостраду и четырехколейную железную дорогу.

Третье. Продление действия немецко-польского пакта 1934 года еще на пятнадцать лет.

И ВСЕ!

А теперь – самое главное.

ДАНЦИГ В 1919–1939 ГОДАХ ПОЛЬШЕ НЕ ПРИНАДЛЕЖАЛ!

Как он был немецким (точнее – ганзейским) поселением при закладке первого камня в X веке, так и дожил до 1919 года «немецким подданным». И ни у кого сомнений в его «гражданстве» никогда не возникало. Правда, с 1454 по 1793 год он формально принадлежал Речи Посполитой, но населен был все теми же немцами.

Решением победителей по Версальскому миру Данциг становился «вольным городом» под управлением Лиги Наций, хотя фактическое (правда, ограниченное) управление этим городом (таможня, полиция, пограничная охрана) было польским.

То есть, говоря юридическим языком, Данциг НЕ ЯВЛЯЛСЯ частью территории Польши и на него не распространялась польская юрисдикция.

Германия потребовала возвращения Данцига – не у Поль-

ши (владельца де-факто), а у Лиги Наций (управляющего де-юре), под чьим формальным управлением этот «вольный город» и находился. КАКОЕ ДЕЛО ПОЛЯКАМ ДО ЧУЖОГО ГОРОДА? Пусть Германия разбирается с Лигой Наций и своими «партнерами» по Версальскому миру, чего Польше-то впрягаться?

Затем – автострада и железная дорога по «польскому коридору». Коридор этот Польша получила также по Версальскому миру, за счет земель Восточной Пруссии. Тем не менее, немцы не сочли возможным требовать возврата ВСЕГО КОРИДОРА – им достаточно было лишь провести через него дороги, чтобы иметь нормальную устойчивую связь с Восточной Пруссией, без двойных обысков польской таможи и двойного унижения перед польскими пограничниками. А самое главное – без ежегодно увеличивающейся платы за «пруссский транзит», взимаемой Польшей в валюте!

Ах, Кейтель 24 октября 1938 года начал разработку планов оккупации Данцига? Какой мерзкий негодяй! Ему приказал Гитлер? Тоже еще тот сукин сын! Агрессоры! Поджигатели войны!

А ЧЕГО ВЫ ХОТЕЛИ, ГОСПОДА ХОРОШИЕ?

Польша управляет чужой собственностью (причем, даже не будучи ее владельцем). Польша не желает ее передавать законному собственнику. Польша считает, что законный владелец пытается нагло и бессовестно отнять у нее эту собственность, к которой она как-то уже за эти двадцать лет

прикипела душой.

На бытовом уровне это выглядит примерно так:

Один ваш не очень близкий и не шибко искренний друг дал вам поносить чужую (роскошную, надо сказать) дубленку. Но вы знаете, что эта дубленка вашему «другу» никогда не принадлежала и принадлежать не могла, поскольку вы были свидетелем наглого разбоя в полночь, когда эта дубленка была с невинного прохожего снята и другом присвоена. На том сомнительном основании, что когда-то, во времена оны, этот прохожий изрядно надавал подзатыльников вашему другу.

И вот однажды, далеко не прекрасным днем, вы встретите этого самого потерпевшего прохожего. И видите, что он изрядно поздоровел за это время, вдобавок за ним гужбанится стайка звероватых амбалов весьма недружелюбного вида. Прохожий вежливо просит вас отдать его вещь, намекая, что он в курсе, что вы явились практически соучастником разбоя, но по доброте душевной прощая вам этот грех. И, более того, готов выдать вам небольшую компенсацию за моральный ущерб.

Вы полезете драться с этим прохожим за его собственность, уповая на то, что друг как-то однажды в изрядном подпитии поклялся вам подмогнуть, «ежели что»? Или мирно отдадите чужое, в надежде, что добродушный хозяин дубленки вам подкинет мелочишко на коньячишко?

А Кейтель, кстати, планировал оккупацию Данцига БЕЗ

ВОЙНЫ с Польшей – по примеру тех же поляков в Вильно, устроив «национальную» квазиреволюцию немецкого элемента и введя свои части для «усмирения мятежа».

И, кроме того, Гитлер пообещал Беку (5 января 1939 года в Берхтесгадене) поделиться с поляками чешскими территориями, которые немцы собрались оккупировать через два месяца. Кроме того, в оплату за автостраду Германия была готова передать Польше часть Закарпатской Украины, управляемую пока что словаками.

Ладно бы поляки были непримиримыми врагами Антикоминтерновского пакта и хотели сражаться с немцами из святой ненависти к фашизму! Так нет, Польша, например, чтобы сделать приятное Японии, ближайшему союзнику Германии, признала Маньчжоу-Го, японскую марионетку на Дальнем Востоке, и даже собралась открывать польское консульство в Харбине. И очень долго Бек вел задушевные разговоры с Риббентропом на обоюдно приятную тему – о немецко-польском походе на Восток.

Да и немцы время от времени позволяли себе реверансы в сторону Варшавы – когда член организации украинских националистов Г. Мацейко застрелил министра внутренних дел Польши Б. Перацкого, немцы проявили полицейское рвение. Организатора покушения, руководителя «Краевой экзекутивы» ОУН Н. Лебеда, следовавшего пассажирским рейсом из Данцига в Свинемюнде, гестапо Пруссии схватило и передало полякам. Лично Гиммлер, тогда шеф этой конторы, вел это дело!

А теперь, когда Германия вознамерилась восстановить статус-кво в отношении СВОЕГО города – поляки встали на дыбы. Нет, и все!

Польша и Германия – соседи. От соседей практически невозможно спрятать любые секреты – от кулинарных до во-

енных. Неужто польский генштаб не знал, **что** к 1939 году представляли из себя вермахт и люфтваффе? И командующий Рыдз-Смиглы всерьез планировал удар на Берлин?

Априори более сильное в военном отношении государство требует от более слабого территориальных уступок. Что делает слабое? Подчиняется – либо ищет союзников. Чтобы вместе с ними встретить удар агрессора, чтобы разделить тяжесть войны, чтобы выстоять, наконец!

Союзников у Польши **НЕТ** (со всеми соседями у нее отношения неважные, а дальние «гаранты польской независимости» планов действенной помощи Польше даже в запасниках своих генштабов не хранят).

И в споре за Данциг полякам приходится рассчитывать только на собственные силы. А они, прямо скажем, невелики.

6

Вооруженные силы Польши (при *успешно проведенной мобилизации*) – тридцать девять пехотных дивизий, одиннадцать кавалерийских бригад, две мотобронеприкрытия, ВВС, военно-морской флот и Пинская военная флотилия. У чехов силенок было поболее – но они благоразумно сложили оружие и вытянули лапки кверху. У поляков и в помине не было такой промышленной мощи, как у южных соседей – но они решили сражаться. Решение, достойное уважения, это без всякой иронии.

Вермахт в 1939 году – это 39 пехотных, 3 горнострелковых, 5 танковых, 4 легких (моторизованных) и 1 кавалерийская дивизий. *Отмобилизованных дивизий!* Снабженных вооружением и техникой по штатному расписанию – то есть *боеготовых*. И, кроме того – не менее пятидесяти дивизий, формируемых в случае мобилизации, на которых уже запасы необходимые объемы техники, вооружения, снаряжения и боеприпасов (спасибо Чехословакии!).

Бронетанковые части польской армии насчитывали 403 танкетки ТК-3, вооруженные пулеметами, и 198 танкеток ТКС, на которые поляки ставили 20-мм противотанковые ружья «Солотурн», 152 танка 7ТР («семитонный польский», аналог «виккерса шеститонного» или нашего Т-26, 37-мм орудие и 7.92-мм пулемет, *дизельный двигатель*). Кроме

этих в число относительно боеспособных, машин можно включить полсотни Рено-35; кроме того, имелось девяносто с небольшим тоже французских, но уже достаточно устаревших, Рено FT-17 (37-мм пушка и 7.92-мм пулемет; почти половина этих танков были включены в состав польских бронепоездов). Кроме того, в разработке находился танк 10ТР («десятитонный польский»). Об этом танке, кстати, стоит упомянуть особо.

Герр Резун утверждает в своем «Ледоколе», что танки БТ (колесно-гусеничные) создавались в Советском Союзе исключительно для агрессии против Европы. Дескать, для войны на восточноевропейской равнине они были не пригодны, и создавал их Сталин исключительно в целях «работы» на германских автострадах.

Замечу в скобках, что в 1931 году, когда с конвейеров сошли первые БТ-2, Польша жила и здравствовала, а автострад в Германии еще и в помине не было. А когда через десять лет пришла пора эти самые танки-агрессоры пустить в дело (летом сорок первого), то их с конвейеров танковых заводов агрессивные сталинские инженеры и наркомы почему-то **снимают**. Но это так, к слову.

Так вот, поляки в 1932 году тоже начали разработку колесно-гусеничного танка «а ля Кристи» – пресловутого 10ТР. Силуэт его сильно напоминал БТ-5, вооружение было почти идентичным (у русских была 45-мм пушка, а у поляков – 37-мм, зато у польского танка было два пулемета вме-

сто одного на БТ). Скорость польской машины на колесах была 75 км/час, да и на гусеницах тоже неслабая – 56. В общем, был он почти точной копией БТ-5. Очевидно, и строился он с теми же целями – вырваться на германские автострасы и уж там-то дать немцам прикурить!

Правда, начатое разработкой еще в 1932 году, в марте 1935 из-за утери чертежей (напомню, речь идет о поляках) создание этой машины остановилось, и только в декабре 1936 года началось мелкосерийное строительство этого «танка преследования» (официальное название!). Но из-за капризного двигателя исправных машин этого типа в строю не было ни одной, и на германские автострасы польские танкисты так и не вырвались.

Создание этого танка (по Резуну) – верный признак того, что Польша готовит «полонизацию» Европы!

Против всей польской разномастной танковой «армады» в восемьсот (на самом деле – в шестьсот пятьдесят, очень много танков и танкеток требовали среднего и капитального ремонта) бронеединиц, основу которой составляли пулеметные танкетки, немцы выставили 2.800 танков! Из которых, правда, средних Pz-IV было всего 211 («всего» – это относительно, у поляков таких машин **ВООБЩЕ НЕ БЫЛО**), Pz-III – чуть более шестисот. Легких же Pz-II в строю числилось более 1.200, чешских 35(t) – 219, остальные – это малоценные пулеметные Pz-I. Кроме того, танковый батальон 3-ей легкой дивизии (моторизованной) был вооружен чешскими

танками 38(t).

В танках немцы превосходили поляков вчетверо количественно и раз в двадцать качественно.

О военной авиации вообще речи не вести. Здесь превосходство люфтваффе было подавляющим!

Лучшим польским истребителем был P-24, подкосный моноплан с максимальной скоростью 430 км/час, вооруженный двумя 20-мм пушками и двумя 7.92-мм пулеметами, с дальностью полета в 700 км. В строю их насчитывалось едва два десятка штук. Также польские ВВС имели на вооружении прекрасный современный двухмоторный средний бомбардировщик P-37 «Лось» (скорость – 445 км/час, 2580 кг бомб и три 7.92-мм пулемета, дальность полета 1500 км). Но... Бомбардировщиков «Лось», готовых к бою, в строю значилось всего 36 единиц, еще девять машин поляки ввели смогли подготовить к бою уже в первые дни войны.

«Истребителями» числились также 165 P-11 (со скоростью едва 350 км/час) и три десятка P-7 (и еще более 115 штук подобных аэропланов «учили летать» польских курсантов).

Неплохими (для польских ВВС, конечно) были 120 легких бомбардировщиков P-23 «Карась».

Вот, пожалуй, и все.

Итого, современных самолетов, способных вести войну – около 400 штук. Все остальное – самолеты связи R-XIII, транспортные R-XVI, разведчики RWD-14 и прочие «лета-

тельные аппараты», числом почти шестьсот единиц – были безнадежно устаревшей рухлядью и в число боевых самолетов не включены даже из пропагандистских соображений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.